ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2021, том 91, № 4, с. 335–343

НАУКА И ОБЩЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2021 г. А. Л. Андреев

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия

E-mail: sympathy_06@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.
После доработки 18.01.2021 г.
Принята к публикации 05.02.2021 г.

Какова сложившаяся в массовом сознании россиян оценка сравнительной значимости исторических событий? Из каких источников наши соотечественники черпают свои знания о прошлом страны? Можно ли говорить о “хороших” и “плохих” эпохах в развитии России? На основе материалов эмпирических исследований автор статьи предпринимает попытку проанализировать в динамике особенности исторического самосознания российского общества. По его мнению, трансформация представлений людей об историческом пути страны может рассматриваться в качестве одного из аналитических инструментов ранней диагностики назревающих в социуме изменений. Кроме того, в статье формулируется вывод о наличии в российском обществе выраженного запроса на выработку устойчивых исторических ориентиров и интерпретаций, некоего единого исторического нарратива.

Ключевые слова: историческое самосознание, исторические компетенции, образы истории, историческая правда, интерпретации истории.

DOI: 10.31857/S0869587321040034

Образы истории многозначны, и в них нередко можно увидеть прообразы современности – в той мере, в какой историческая память оказывает влияние на эмоционально-смысловые структуры идентичности, а через них воздействует на массовое сознание и политическое поведение. В то же время исторические представления формируют специфическую когнитивную структуру, которую можно определить как *исходную матрицу понимания*, позволяющую осуществить первичную эмоционально окрашенную идентификацию вновь возникающих в социальном поле явлений, процессов и символических лидеров. Соответственно, когда в каком-либо обществе по каким-либо причинам (например, социальным или геополитическим) в очередной раз возникает потребность в поиске своей идентичности, актуализируется и запрос на определённые образы истории, иногда – совершенно новые.

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН, профессор НИУ МЭИ, Москва, Россия.

Примеров тому очень много: увлечение античностью в эпоху Возрождения, подражание римским республиканцам в период Великой французской революции, интерес романтиков к средневековью, якобинство русских большевиков, конфуцианские реминисценции в современном Китае и османские в современной Турции, историографические эксперименты и историческое мифотворчество “новых демократий” Восточной Европы, активно продвигаемая в наши дни ревизия истории США с позиций “расовой праведности” и политкорректности. Возникает предположение, что мутации смысловой структуры являются ранними симптомами новых общественных запросов и тенденций. А если это так, то мониторинг восприятия истории может служить одним

из инструментов социальной диагностики и политического прогнозирования.

Как известно, российский исторический нарратив неоднократно менялся, отражая зигзаги пройденного нами пути. Соответственно этому менялись и представления об исторической правде. К чему же в конце концов привёл нас этот неоднозначный и противоречивый путь, как ныне российское общество представляет себе своё прошлое и его связь с настоящим? Чтобы ответить на этот вопрос, воспользуемся материалами всероссийского социологического исследования, проведённого Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН осенью 2020 г.[1], а также данными ряда других исследований.

ОТКУДА БЕРУТСЯ МАССОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Надо сказать, что историей у нас интересуются довольно многие, причём российской значительно больше, чем зарубежной, и россияне достаточно хорошо понимают значение исторических представлений в жизни общества. Если судить по данным, полученным в ходе наших исследований, от четверти до трети населения страны считает, что историческое прошлое – один из главных факторов, объединяющих нацию и государство. В России, как впрочем и в других странах, потребность знать и понимать прошлое чаще проявляется у людей среднего и старшего возраста, чем у молодёжи. Однако в ещё большей степени эта потребность обусловлена уровнем образования. Так, среди наших респондентов, имеющих лишь школьный аттестат, интерес к мировой истории (постоянный и время от времени) проявляют 43%, а к отечественной 57%, тогда как среди закончивших вузы соответственно 68 и 80%. Заметно влияет на эти показатели и степень активности в Интернете: у респондентов, которые пользуются им ежедневно, они выше, чем у тех, кто обращается к всемирной сети редко либо никогда.

Несмотря на то, что в средней и высшей школе абсолютно все граждане России изучают историю в течение достаточно длительного времени – семи-восьми лет, по оценкам наших респондентов, вклад школьного и институтского образования в формирование их взглядов на историю не так уж и велик: его посчитали наиболее важным источником сведений немногим более 20% опрошенных. Однако у молодёжи в возрасте до 30 лет этот показатель оказался примерно в 1.5 раза выше, чем в среднем по выборке: видимо, сказываются, свежие воспоминания об учёбе, да и с иными источниками не успели ещё толком познакомиться. Но чаще всего представители практически всех социально-демографических групп получают разнообразные исторические сведения благодаря кино- и телеэкрану. Почти 45% наших респондентов назвали в качестве главного источника знаний по истории исторические художественные фильмы и сериалы, а 40% – исторические документальные фильмы. Лишь у молодёжи в возрасте до 30 лет наравне с историческими художественными фильмами (но опережая документальные) фигурирует Интернет. К перечню экранных жанров следует добавить ещё и разные специализированные программы, а также телевизионные ток-шоу, хотя их упомянули лишь 13%.

Как представляется, по тому, какие исторические фильмы любят смотреть россияне и какие из них им больше всего запомнились, можно в известной мере судить об эмоциональной тональности восприятия событий прошлого. Соответствующий вопрос задавался в открытой форме (то есть участники опроса должны были сами дать на него ответ, а не выбирать из предложенных альтернатив), и респонденты назвали в совокупности около 320 кинофильмов и сериалов. Таким образом, люди смотрят фильмы на исторические темы, не интересуется ими только один из пяти опрошенных. Но предпочтения 80% интересующихся весьма и весьма неопределённы.

В целом обращает на себя внимание абсолютное преобладание в составленном списке отечественных кинолент. Зарубежные фильмы (даже если включить в их число те, что сняты совместно с российскими кинематографистами) составили не более 11% этого списка. Среди отмеченных нашими респондентами зарубежных кинолент преобладают костюмированные блокбастеры типа “Рима”, “Гладиатора”, “Трои” или “Золотого века”, хотя среди них есть и фильмы о Второй мировой войне с сильным морально-нравственным подтекстом. Отечественные же фильмы представлены в самом широком диапазоне – от неувядающей классики довоенного советского кино («Броненосец “Потёмкин”», “Александр Невский” и др.) до работ, снятых в самые последние годы (“Битва за Севастополь”, “Адмиралъ”, “28 панфиловцев” и др.). Чемпионом зрительских симпатий стал фильм “Война и мир” Сергея Бондарчука – классика мирового кинематографа, в котором сошлись воедино и значимость изображённой эпохи, и верность исторической правде, доходящая до скрупулёзной точности бытовых деталей, и философская глубина великого романа Л.Н. Толстого, и выдающаяся режиссура С.Ф. Бондарчука. Следующие за этим фильмом рейтинговые позиции с практически одинаковым результатом заняли историческая драма “Пётр Первый. Заве-

[1] Опрос проводился в сентябре 2020 г. во всех территориально-экономических районах РФ (согласно районированию Росстата). Выборка репрезентативная, объём выборки – 2000 человек. Далее результаты данного опроса приводятся без ссылки, специально оговариваются только результаты других опросов.

щание” и уже признанный классическим военный фильм “А зори здесь тихие”.

Довольно богатую информацию для размышлений о восприятии истории и свойствах исторической памяти даёт анализ тематического распределения отмеченных нашими респондентами кинолент. Самую большую долю среди них (примерно пятую часть) составляют советские и российские фильмы о Великой Отечественной войне, что ещё раз подтверждает системообразующую роль этого исторического события в коллективном сознании россиян. Историко-революционная тема, события Гражданской войны и их отзвуки в жизни страны получили отражение в 6–7% составленного по зрительским предпочтениям списка. При этом бросается в глаза практически полное забвение созданной в советское время киноленинианы. Хотя, как показал проведённый нами опрос, россияне продолжают считать Ленина великим человеком, из всех посвящённых ему фильмов наши респонденты назвали только один – “Ленин в октябре”, при том, однако, что поклонников у него оказалось всего несколько человек (0.1% от общего числа опрошенных).

На этом фоне заметно проявился растущий интерес к фильмам, посвящённым российской императорской династии. Это и “Пётр Первый”, и повествующий о молодости Екатерины II телесериал “Великая”, и документальный телепроект “Романовы” (который, кстати, по популярности следует сразу же вслед за выявленной в ходе нашего опроса тройкой лидеров отечественного исторического кино). Не лишним будет сопоставить этот интерес с массовым посещением жителями российских городов выставок, а также других мероприятий, проводившихся в 2013 г. к 400-летию Дома Романовых.

Однако же, не экраном единым... Отметим, что российская публика традиционно любит исторические романы, хотя, по оценкам наших респондентов, в качестве источника знаний и представлений о прошлом они значительно уступают экранным произведениям. Понятно, что люди после 40–50 лет читают охотнее, чем молодёжь. Среди респондентов в возрасте 50+ около 30% черпают исторические сведения из литературных произведений, тогда как в возрастной группе до 30 лет – лишь 20%. Конечно, это отнюдь не пренебрежительно малая величина. Но всё же заметно, что в молодёжной среде роман, повесть, рассказ как нарративные формы ментальной репрезентации истории вытесняются клиповыми формами, в частности, хаотическим поиском информации в Интернете, который в этой группе опередил книгу по популярности примерно в 1.5 раза (тогда как в старших возрастных когортах это соотношение оказалось прямо противоположным). Ещё один способ ощутить веяния былых эпох – посещение выставок, музеев, туристические поездки, экскурсии (на это указали почти 25% опрошенных).

В то же время модные сейчас компьютерные игры с историческими сюжетами служат проводником в мир истории лишь для 3.5% россиян, в основном молодёжи: среди молодых людей в возрасте до 30 лет черпают свои исторические представления из игр примерно 9%. Однако даже в этой группе компьютерные игры как источник исторических образов и сведений стоит на самом последнем месте, в 2–3 раза уступая по значимости и киноэкрану, и учебникам, и художественной литературе, и музеям, и рассказам родственников. Важно обратить внимание на этот результат, имея в виду, что в последние годы некоторые эксперты предлагают шире применять игровые методы изучения истории, в том числе с использованием компьютерных игр. Такой подход, в частности, считают перспективным американские преподаватели-методисты, работающие по программам Фонда Вудро Вильсона [1]. Вероятно, было бы полезно проводить в этом направлении дальнейшие исследования, но данные нашего опроса, заставляют смотреть на такой подход с некоторым скептицизмом – по крайней мере в российских условиях.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что, отдавая должное экрану и книге, многие россияне очень ценят различные способы личностного прикосновения к прошлому, – воспоминания близких, семейные предания, архивы, бережно сохраняемые старинные вещи. Этот источник исторической информации в глазах наших респондентов оказался почти столь же важным, как и экранные образы истории: он упоминался в ответах около трети наших респондентов. Несомненно, именно на почве эмоционального сопряжения истории страны с историями конкретных семей родились такие общественно значимые символические акции последнего времени, как “Бессмертный полк” и “Последний адрес”.

Конечно же, не должно удивлять, что к истории, отражённой в живых и наглядных образах, запечатлённой в различного рода артефактах, люди обращаются намного охотнее, чем к суховатым научным текстам или даже научно-популярным изданиям. Тем не менее нельзя не отметить, что в российском социуме есть определённое, уверенно выделяемое в общем массиве ядро серьёзных любителей истории, для которых основным источником знаний является научная литература, вплоть до сугубо специальных исследований. Опираясь на самооценки и самоотчёты респондентов, можно утверждать, что это ядро составляет не менее 12% россиян, а, возможно, и превышает 15%. Присутствие в российском обществе людей такого типа, на мой взгляд, стало одним из важных факторов, блокировавших широкое рас-

пространение у нас различных фальсификаций отечественной истории, равно как и переформатирование исторического самосознания россиян в стиле фолк-хистори, “новой хронологии” и т.п.

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Возникает вопрос: насколько эффективно работает комплекс разнообразных источников информации, насколько функционально их использование в том смысле, что даёт достаточный, с точки зрения общественных потребностей и запросов, объём знаний и позволяет адекватно понимать социально-исторические процессы? В последнее время мы сталкиваемся здесь с серьёзными проблемами. Эксперты в различных странах констатируют снижение исторических компетенций массовых слоёв населения, и это в немалой степени способствует распространению такой специфической особенности современной политической культуры, как так называемые исторические войны.

Американский совет попечителей и выпускников учебных заведений (АСТА) опубликовал в 2000 г. алармистский доклад на эту тему под характерным заглавием “Утрачивая историческую память Америки” [2]. Сформулированные в нём выводы подтвердили последующие социологические исследования, проводившиеся различными исследовательскими структурами, университетами и общественными объединениями. Скажем, опрос Фонда Вудро Вильсона в 2012 г. показал, что значительная часть американцев не знает, с кем их страна воевала во Второй мировой войне. Лишь в четырёх штатах из пятидесяти доля правильно ответивших на это вопрос достигла 60%, во многих же, включая самые густонаселённые, она составила 50% и менее (в Луизиане – 43%) [3]. Это заметно хуже аналогичных российских показателей. Для сравнения: по данным опроса, проведённого ВЦИОМом в начале сентября 2020 г., 77% россиян уверенно ответили, что основным противником СССР в Великой Отечественной войне была Германия [4].

В результате проводившихся в последнее время исследований выявилась характерная закономерность: исторические компетенции снижаются по мере смены поколений. Данный процесс происходит едва ли не во всех странах. В частности, американцы старшего возраста намного правильнее отвечают на конкретные вопросы по истории США, чем молодые люди, включая выпускников университетов и колледжей [5, с. 161]. Россию снижение исторических компетенций, в особенности среди молодёжи, также не обошло стороной. Его эмпирически зафиксированные социологической диагностикой проявления отчётливо коррелируют с переходом от советской школы к постсоветской, основанной на принципе предоставления “образовательных услуг” [6]. Американские эксперты вполне обоснованно жалуются, что во многих штатах США девять из каждых десяти (а в штате Кентукки десять из одиннадцати) опрошенных граждан не смогли правильно ответить, когда был написан сакральный для национальной исторической памяти документ – Конституция США [3]. Но и нас отнюдь не обрадовал тот выявленный в ходе проведённого осенью 2020 г. опроса факт, что каждый шестой россиянин оказался не в состоянии назвать русского императора, при котором было покончено с крепостным правом, – Александра II, а каждый седьмой не имеет представления о том, кем был Ю.В. Андропов.

К сожалению, в нашем распоряжении нет сравнительных данных, позволяющих сопоставить мнения россиян по поводу их исторических знаний за разные годы. Однако в настоящее время наши сограждане явно оценивают себя в этом смысле умеренно критически. Вполне компетентными в данной области считает себя примерно один человек из каждых девяти-десяти, и это, заметим, в 2 раза меньше той доли опрошенных, которые, по их словам, интересуются событиями прошлого. Несколько более половины полагают, что они имеют некое общее представление об отечественной истории. Однако и тех, кто считает себя недостаточно сведущими в этих вопросах, также довольно много – около трети опрошенных.

ВОСПРИЯТИЕ ЭПОХ И СОБЫТИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Тем не менее на вопрос о том, какие события оказали наибольшее влияние на историю России (можно было выбрать до 5 вариантов ответа из 20 предложенных), россияне отвечают довольно уверенно; в ходе нашего опроса затруднился выразить своё мнение на этот счёт только один человек из десяти. На первое место среди значимых исторических событий наши респонденты поставили Великую Отечественную войну (60% голосов), что надо признать вполне ожидаемым. А вот то, что на втором месте с результатом около 33% оказалось Крещение Руси, – факт совсем не тривиальный, особенно если учесть довольно индифферентное отношение большинства наших сограждан к религии. При этом Креститель Руси – Св. Равноапостольный князь Владимир – также был признан вторым по значимости среди довольно обширного списка деятелей, оказавших положительное влияние на исторические судьбы России (после Петра I).

Вслед за Великой Отечественной войной в составленном нами рейтинге следует целый ряд событий, на которые указали 20–25% опрошенных: освобождение Руси от татаро-монгольского ига, отмена крепостного права, учреждение Российской империи, Октябрьская революция 1917 г.,

создание СССР и его распад, космический полёт Ю.А. Гагарина. В данном случае субъективные оценки более или менее соответствуют объективной значимости исторических явлений. Однако и здесь не обошлось без неожиданностей. Так, значение перехода к рыночной экономике россияне, похоже, недооценивают: на него указали в своих ответах только 11% опрошенных. Всего лишь 7–8% отметили такие судьбоносные события, как собирание русских земель Москвой, освобождение Москвы от польских интервентов в 1612 г., демократизация и ликвидация "железного занавеса" между СССР и Западом. И совсем мало голосов (менее 5%) было подано за то, чтобы включить в список важнейших исторических событий крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачёва, восстание декабристов и, наконец, Февральскую революцию, которую многие историки и политические публицисты рассматривают как судьбоносный шанс, открывавший возможность вхождения России в сообщество "нормальных", "цивилизованных" демократий. Удивляет, что наши респонденты довольно пренебрежительно отнеслись и к воссоединению Украины с Россией в 1654 г.: высокую историческую значимость этого международного акта признали менее 4% опрошенных, хотя выход Крыма из состава Украины и его воссоединение с Россией в 2014 г., напротив, 20% отнесли к числу достаточно важных событий.

В ходе наших исследований в течение ряда лет задавался диагностирующий вопрос, который позволяет характеризовать не только ценностную ориентацию исторического самосознания россиян, но косвенно также и связь исторического самосознания с современностью, включая нынешние социальные представления и политические взгляды граждан страны. А именно: мы предлагали им выбрать, какие эпохи в историческом развитии страны в наибольшей степени соответствуют их идеалам и в какое время им хотелось бы жить. Этот вопрос периодически задавался нашим респондентам на протяжении двух десятилетий, так что есть возможность провести некоторые сопоставления, характеризующие динамику исторического самосознания российского общества.

Как свидетельствуют данные целого ряда проведённых нами опросов, россияне отнюдь не склонны искать свои идеалы в далёком прошлом. Подавляющее большинство наших сограждан не заглядывают за горизонт того, что можно назвать *актуальной историей*, отразившейся в их жизненном мире и черпаемых оттуда впечатлениях – как своих собственных, так и непосредственных очевидцев. В начале 2000-х годов и позднее выбор большинства опрошенных разделился между двумя этапами этой непосредственно переживаемой истории – сохранившейся в памяти миллионов людей "золотой осенью" советской власти (в основном это правление Л.И. Брежнева) и нынешним периодом, олицетворяемым в первую очередь действующим Президентом РФ В.В. Путиным. Соответственно, этих двух государственных деятелей участники опроса оценили примерно одинаково: доля респондентов, полагающих, что они сыграли положительную роль в истории страны, составила 36% (Брежнев) и 40% (Путин). Кроме того, около половины опрошенных считают, что в деятельности этих политических лидеров есть и положительные, и отрицательные моменты. Однозначно негативно относятся к Брежневу и/или Путину сравнительно немногие – не более 10–12%. Ни один деятель советского времени не дотягивает до подобных оценок. Например, к таким фигурам всемирно-исторического масштаба, как Ленин и Сталин, одобрительно относятся лишь чуть более четверти, а неодобрительно – свыше половины опрошенных. Ещё сдержаннее россияне оценивают заслуги Н.С. Хрущёва и Ю.В. Андропова, совсем низко – М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина, Е.Т. Гайдара: доля респондентов, признающих за лидерами перестройки и постперестроечных реформ хоть какие-то заслуги не превышает 5–6%, тогда как численность тех, кто категорически не согласен их признать, в 8–10 раз больше.

Не приходится удивляться тому, что ностальгия по брежневскому "развитому социализму" – в основном удел старшего и отчасти среднего поколения, в то время как молодёжь, которая эту эпоху уже не застала или застала её только в раннем детстве, эмоционально идентифицирует себя с настоящим, которое, как многим не без оснований кажется, открывает перед ними неплохие перспективы. Однако все поколения россиян сходятся в одном: они начисто отвергают как перестройку, так и интермедию "святых девяностых" с характерными для них засильем олигархии, разгулом коррупции, бандитизмом, финансовыми пирамидами, развалом наукоёмких отраслей промышленности и распродажей национального достояния – всем тем, что не оставляло трудолюбивым, образованным и законопослушным гражданам почти никаких шансов на достойную самореализацию. Однако общество в своём большинстве не допускает и отката к сталинскому "порядку", когда даже простая нечёткость в выполнении служебных обязанностей, не говоря уже о каких-то более серьёзных проступках, наказывалась самыми суровыми репрессиями.

Таким образом, взгляд наших сограждан на логику исторического развития России на стыке XX и XXI вв. в целом достаточно устойчив. Однако наблюдаются некоторые сдвиги в пропорциях, обусловленные как естественной сменой поколений (граждан, заставших советское время, становится всё меньше), так и некоторыми факторами конъюнктурного характера. Скажем, пандемия коронавируса, которая вроде бы никак не связана

с историческим самосознанием общества, на самом деле может оказывать на него влияние через стимуляцию пессимистических настроений и, соответственно, добавлять негатив в переживание текущего момента.

Несомненно, эмоциональная связь российского общества с брежневской эпохой постепенно ослабевает. И это, конечно же, совершенно естественно. Однако данный процесс осуществляется отнюдь не в форме простого монотонного убывания соответствующего индикатора, но имеет более сложную конфигурацию. Если в начале 2000-х годов до 35% респондентов выбирали в качестве предпочтительного именно этот период, а в ходе опроса 2014 г. соответствующий показатель лишь слегка превышал 19%, то к настоящему времени его снижение либо прекратилось, либо затормозилось на том же уровне – 19%. В общей сложности число респондентов, чьи идеалы не выходят за рамки сегодняшнего или вчерашнего настоящего, по результатам проведённого опроса, составило свыше 40%. Это примерно в 2 раза больше суммы ответов, в которых проявилась склонность идеализировать какие-то другие эпохи.

Несколько удивляет, что современный российский социум практически совсем не увлечён романтикой шестидесятых, несмотря на неувядающую популярность бардовской лирики того времени и посвящённый ему прекрасный телесериал “Оттепель” (который, между прочим, не попал в список кинопроизведений, по которым россияне “учатся истории”). Сталинский период, на критике которого в своё время поднялся Н.С. Хрущёв, выглядит в глазах наших сограждан даже более заслуживающим уважения, хотя количество условных “сталинистов” среди опрошенных весьма незначительно (по последним данным – чуть более 4%). Можно предположить, что в безалаберном и противоречивом Хрущёве современные россияне видят предтечу развалившихся Советский Союз М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Перестройка, как и время правления Ельцина, по-прежнему полностью отторгаются российским обществом. Число их поклонников за последние несколько лет, по-видимому, ещё больше сократилось, хотя наверняка утверждать это нельзя, поскольку при тех значениях соответствующих индикаторов, которые мы получаем в ходе опросов, небольшие колебания в ту или другую сторону укладываются в пределы статистической погрешности.

Несмотря на определённые усилия по популяризации имперского прошлого, его идеализация всё же не характерна для современного российского социума. По крайней мере, пока. В то же время та эпоха оценивается россиянами более высоко, чем любой период советской истории до “эры Брежнева”. За царскую Россию голоса наших респондентов подавались в 2.5 раза чаще, чем за хрущёвскую оттепель, почти в 5 раз чаще, чем за перестройку, и в 11 раз чаще, чем за рыночные реформы начала 1990-х годов. Любопытно, что последних российских императоров, включая Николая II, правление которого завершилось разрушением государства и многолетней смутой, россияне воспринимают ныне намного благожелательнее, чем лидеров перестройки и архитекторов рыночных реформ. В частности, баланс полярно противоположных оценок Николая II по итогам проведённого осенью 2020 г. опроса составил +12% (25% опрошенных посчитали, что он имеет определённые заслуги перед Россией, а 13% признали его роль в истории однозначно негативной), тогда как у Горбачёва, Ельцина и Гайдара значения данного показателя – резко отрицательные (–51, –55 и –43% соответственно).

Заметим, что своего рода историческая реабилитация имперского прошлого, по-видимому, не является чисто российской тенденцией. Например, несколько лет назад, изучая особенности исторического самосознания турецких студентов, я обратил внимание на позитивную переоценку ими исторической роли последнего полновластного турецкого султана Абдул-Хамида II, который в течение долгого времени рассматривался как реакционер и тиран, а ныне становится примером “хорошего правителя”, немало сделавшего для модернизации своей страны. (Трудно отделаться от впечатления, что данная тенденция в эволюции исторического самосознания стала одной из культурно-психологических опор или, по крайней мере, коррелятов нынешнего эрдогановского неоосманизма.)

Надо отметить, что доля неопределившихся или ответивших, что их идеалу не соответствует ни один из периодов отечественной истории, очень велика – свыше 43%. Близкие к этому результаты мы регулярно получали и в прошлом. Это говорит о том, что исторические консенсусы в современном российском обществе относительны, отнюдь не отличаются устойчивостью и могут в будущем подвергаться определённым изменениям. Это, по всей вероятности, может иметь конкретные политические последствия, открывая в том числе и перспективу некоторого переформатирования высших институтов государственной власти.

Посмотрим, что изменится, если сформулировать практически тот же вопрос несколько иначе: “Если бы это зависело от вас, в какую эпоху истории России вы хотели бы жить?”. Речь в данном случае идёт уже не об идеале, но о “хорошем обществе” [7] или, по крайней мере, о приемлемом обществе. Как выяснилось, доля обоих наиболее популярных периодов в этом случае увеличивается – в первом случае на 6, а во втором на 12%, доля же остальных при этом сокращается, так что привлекательность “эры Брежнева”, с одной сторо-

Таблица 1. В какие исторические эпохи хотели бы жить россияне, % числа опрошенных

Социально-демографические характеристики	В современной России	В СССР в период Л.И. Брежнева	В России последней трети XIX– начала XX в.	В СССР в период И.В. Сталина	В период перестройки М.С. Горбачёва	В России времён Б.Н. Ельцина	В другую эпоху (укажите какую)	Затрудняюсь ответить
Всего	34	25	4	3	1	1	1	31
Возраст								
18–30 лет	41	8	5	5	1	1	3	37
31–40 лет	44	15	4	2	1	–	1	32
41–50 лет	34	23	4	4	–	–	1	33
51–60 лет	22	41	3	3	1	–	1	30
60 лет и старше	25	42	3	2	–	1	2	24
Образование								
Неполное среднее	34	28	2	3	2	2	2	28
Общее среднее	29	30	3	4	1	1	2	30
Среднее специальное	34	26	3	3	1	–	1	33
Высшее, включая незаконченное высшее	37	21	6	3	1	–	2	29
Пользование интернетом								
Ежедневно	37	20	5	3	1	–	2	32
Несколько раз в неделю	31	28	3	1	1	–	1	33
Несколько раз в месяц	29	31	2	4	–	2	–	31
Несколько раз в год	33	33	–	–	–	–		33
Вообще не пользуюсь	23	44	2	4	–	1	2	23
Материальное положение								
Очень хорошее, скорее хорошее	47	13	5	2	2	–	2	29
Удовлетворительное	36	24	3	3	1	–	2	31
Скорее плохое, плохое	23	33	4	4	–	1	1	34
Затрудняюсь ответить	39	25	5	–	2	–	2	28

ны, и “эры Путина” – с другой, проступает ещё рельефнее. Правда, при этом доля представителей старших возрастных когорт (в возрасте 50+), которые предпочли бы вернуться во времена “развитого социализма”, превышает 40%, а среди тех, кто практически не застал даже 1970-е годы, 40% не ощущают потребности экспериментировать с “машиной времени” и не променяли бы нынешнюю эпоху ни на какую другую. Если резюмировать: как советская действительность, так и путинская Россия, это, конечно, не рай на Земле, но ничего лучшего для нас пока не придумано (табл. 1).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР

Попытки убедить нас в необходимости пересмотра и переоценки российской истории на основе тех её версий, которые разрабатываются и продвигаются ныне на Западе, мягко говоря, не встречают в российском обществе ни понимания, ни сочувствия. Судя по данным нашего исследования, более половины населения страны убеждены в том, что от трактовки прошлого зависит наше общее будущее, поэтому борьба за прошлое имеет огромное политическое значение, в том числе и международное.

Россияне настаивают на противодействии искажению исторической правды, в особенности когда речь идёт о Великой Отечественной войне. Свыше 37% респондентов объявили себя сторонниками решительных споров с теми, кто осуществляет подмену исторических фактов, а 34% считают необходимым популяризировать наше понимание истории в фильмах и литературных произведениях, а также в СМИ и социальных сетях. В сумме это составляет свыше 70% опрошенных. Около 8% россиян предпочитают просто не обращать внимания на наших недоброжелателей (вероятно, по принципу “а караван идёт”) и примерно столько же полагаются на научную объективность и надеются сблизить разные версии исторической памяти через обсуждение спорных вопросов учёными. И только один из двадцати пяти участников опроса ответил, что следует безоговорочно принять критику в адрес нашей страны и переосмыслить соответствующим образом некоторые события отечественной истории. Хотя если при этом сделать акцент на *справедливости* критики, то такая позиция сама по себе совсем не обязательно вступает в противоречие с мнением большинства: здесь могут подразумеваться лишь различия в отношении к точке зрения оппонентов и их аргументам. Ведь одно дело – точно удостоверенные факты, реальные поступки тех или иных исторических деятелей, и совсем другое – предположения о намерениях, домыслы и произвольные реконструкции, вроде утверждений о том, что летом 1941 г. Красная армия терпела поражения из-за того, что Сталин планировал первым напасть на Германию и готовился к наступательным действиям, а потому не подготовил войска к обороне.

В этой связи, безусловно, сразу же встаёт вопрос об интеллектуальной ответственности. Отстаиваем ли мы принятую в России версию истории просто потому, что она “наша”, удовлетворяет нашему самолюбию и легитимизирует политический курс Российского государства? Или же здесь важнее её соответствие тому, что было на самом деле?

В ходе предпринятого исследования предпринималась попытка получить ответ и на эти вопросы, респондентам предлагался выбор между двумя альтернативами: “давать полную и честную картину истории, рассказывая не только о светлых и героических моментах, но и о её темной, неприглядной стороне” либо “не ворошить трагические страницы истории, так как это раскалывает общество и мешает его консолидации”. Иными словами, нужна ли нам сложная и многогранная историческая правда или же только героические мифы? Не скрою, сторонников второго варианта в российском обществе оказалось немало – немногим менее 30%. Но всё же тех, кто отдаёт предпочтение исторической правде, как бы горька она ни была, оказалось приблизительно в 2 раза больше. При этом картина по всем основным социально-демографическим группам (по возрасту, образованию, социальному положению) получается довольно ровная: значения соответствующих индикаторов отклоняются от средних по выборке не более чем на 5%. Поэтому нет оснований утверждать, что российское общество склонно к самоослеплению и самолюбованию; однако и самобичеванием, как было показано выше, оно предпочитает не заниматься.

Россияне в значительной своей части понимают, что историческое знание обладает определённой спецификой и не может преподнести нам вечных истин. Около 39% наших респондентов согласились с тем, что оценки исторических личностей и событий с течением времени могут меняться. Однако свыше 48% сделали акцент на другом – на необходимости выработать единый взгляд по крайней мере относительно основных исторических событий. Таким образом, потребность в устойчивых ориентирах, в общепринятой картине мира и вписанном в эту картину масштабном историческом нарративе в российском обществе ощущается очень сильно.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 20-18-00505.

ЛИТЕРАТУРА

1. Woodrow Wilson National Fellowship Foundation. https://woodrow.org/americanhistory/ (дата обращения 2.10.2020).
2. Losing America's Memory. American Council of Trustees and Alumni, 2000. https://www.goacta.org/news-item/losing_americas_memory/ (дата обращения 4.10.2020).
3. Woodrow Wilson Foundation American History Initiative. 50-state Survey Data (2019) /. https://woodrow.org/wp-content/uploads/2019/04/WW-AHI-50-State-Data-Pamphlet-3-20-19.pdf (дата обращения 4.10.2020).
4. Аналитический обзор ВЦИОМ № 4321 (2020). https://wciom.ru/index.php?id=23&page=4 (дата обращения 22.10.2020).
5. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
6. *Андреев А.Л.* Студент и история // Высшее образование в России. 2016. № 7. С. 38–44.
7. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.